

ИСТОРИЯ

УДК 325.254.6:001.816

Н.Н. Аблажей, С.А. Красильников, Г. Харатян

ОПЫТ СОЗДАНИЯ КНИГ ПАМЯТИ ДЕПОРТИРОВАННЫХ: ПРОБЛЕМЫ И РЕШЕНИЯ

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ (проекты № 16-21-200001 и 15 РГ-27 (ГКН МОН РА)).

Статья посвящена проблеме составления баз данных и подготовке на их основе Книг памяти депортированных. Затрагиваются вопросы выявления и обработки массовых персональных источников на эту категорию репрессированных. Приводятся предварительные результаты работы российско-армянского коллектива, работающего над подготовкой мартиролога на 16 тыс. этнических армян, высланных в ходе депортации 14 июня 1949 г.

Ключевые слова: база данных; книга памяти; спецпереселенцы.

Изучение советского политического террора и дискриминационной политики в отношении отдельных социальных категорий населения и этнических групп крайне актуально для современной России и ряда постсоветских стран. После распада СССР все постсоветские страны приняли национальные законы о реабилитации жертв политических репрессий и активизировали государственную политику в этой сфере, вопрос о градации репрессий по степени жесткости был признан нормативно неправомерным, поэтому все депортированные (высланные как по суду, так и в административном порядке), наряду с другими репрессированными, были отнесены к жертвам политических репрессий. Через систему спецпоселений в СССР прошли свыше 6 млн чел., что почти на миллион больше числа осужденных по политическим мотивам. Изучение политических репрессий в СССР, безусловно, помимо научных целей, ориентировано также на решение прикладной задачи – формирование открытых / доступных персонально-ориентированных баз данных на все категории репрессированных.

Создание любой базы данных (БД) предполагает обработку однородных массивов исторических источников. Проблема создания БД на репрессированных активно обсуждалась в российском научном сообществе на рубеже 1990–2000-х гг. Несмотря на различия в подходах, методологии и итогах реализации подобных проектов, специалистами были выработаны некоторые обязательные критерии к таким БД и количеству параметров. Основные требования в БД следующие: 1) создание на однородных массивах исторических источников; 2) персонально-ориентированные, а не документоориентированные БД; 3) агрегированная БД, способная интегрировать аналогичные локальные БД (региональные, ведомственные, по типу репрессивных действий и категории спецконтингента); 4) в основу структуры и состава БД должны быть заложены поля, отвечающие за определенные критерии, содержащие биографический блок данных и информацию о репрессиях (большинство Книг памяти использует 15–20 параметров); 5) БД должна дать возможность выполнить выборку (запросы) в любой их комбинации.

Сегодня почти во всех постсоветских странах существуют государственные проекты, направленные

на сохранение памяти о жертвах политического террора. Оформившаяся в первой половине 1990-х гг. в России федеральная программа увековечивания памяти жертв политических репрессий принесла уже в первое десятилетие своей реализации весьма значительные результаты, которые, однако, представляют собой преимущественно информацию о персональных объектах репрессий по ст. 58 УК РСФСР. С этого начинали свою работу созданные в регионах коллективы для подготовки профильных Книг памяти, работавшие при поддержке и финансировании администраций краев и областей РФ. С 2004 г. при Президенте РФ создана постоянно действующая Комиссия по реабилитации жертв политических репрессий. В задачи этой комиссии входит содействие региональным и федеральным органам власти в издании региональных, муниципальных и федеральных «Книг памяти жертв политических репрессий». К настоящему времени уже стандартизированы требования к печатному варианту БД, издающихся в формате Книг памяти как на осужденных, так и ссыльных. Согласно требованиям национальных законодательств подобного рода издания должны выполнять информационно-справочную функцию, содержать открытую и доступную широкому кругу людей персональную информацию по истории репрессий, а не чувствительные (чувствительные) данные личного характера.

Работа по персонализации жертв советских политических репрессий сегодня осложнена доступом к таким данным и возможностями их обработки. В некоторых постсоветских странах материалы, касающиеся вопросов репрессий и депортации, по большей части, уже исчерпали сроки давности и находятся в свободном доступе. Вообще, дела на лиц, подвергшихся репрессиям, относят к категории дел средней степени риска. Это документы 50–100-летней давности, где могут содержаться конфиденциальные данные как о личности репрессированного и его семье, так и о механизме репрессий. Требование, при котором владелец данных или его потомки дают согласие на их использование в исследованиях, не решает проблему конфиденциальности ни для одной из заинтересованных сторон: «жертв», «очевидцев» и «исполнителей». Важно понимать, что изменение практики доступа к персональным данным во всем мире про-

диктовано лишь переходом к хранению документации в электронном формате и особенностями ее обработки. В России, однако, эти ограничения автоматически были распространены также на доступ к делам репрессированных и их использование. Безусловно, вопросы доступа и использования должны регулироваться законодательно и не противоречить друг другу. Специалисты видят выход во введении «предела защиты» персональных данных, что не отменяет запрета на использование данных личного характера, но позволяет распространять в свободном доступе те, которые относятся к общей (или публичной) сфере. Любые Книги памяти, в том числе и репрессированных, содержат информацию именно такого плана.

В настоящее время крупнейшим ресурсом персональных данных является БД «Жертвы политического террора в СССР», сформированная обществом «Мемориал». В ней интегрированы все национальные и региональные «Книги памяти» и мартирологи, изданные или подготовленные на постсоветском пространстве. При создании БД о жертвах политического террора в СССР первоначально акцент был сделан на персонализации данных о лицах, осужденных по ст. 58 УК РСФСР. Соответственно, в настоящий момент из почти трехмиллионной базы на репрессированных только треть приходится на депортированных. В составе БД «Мемориала» с точки зрения отражения в ней различных категорий репрессированных по политическим мотивам, очевидно мала доля депортированных, имеющих под собой прежде всего институциональные основания (реабилитация осужденных по политическим мотивам осуществляется прокуратурой на документной базе ФСБ, тогда как реабилитация депортированных находится в сфере компетенции МВД).

Ведомственная база данных на ссыльных (МВД РФ) на данный момент представляет собой электронный мегаресурс. С конца 1940-х гг. данные о спецпоселенцах всех категорий были сосредоточены в Главном информационном центре МВД СССР и представлены в виде единой алфавитной картотеки. Этот массив учетной документации по-прежнему хранится в архиве МВД России – Главном информационно-аналитическом центре МВД РФ. Несмотря на наличие указанного массива в ГИАЦ, формирование и пополнение электронной базы данных идет исключительно за счет усилий ИЦ УМВД тех регионов, где находились ссыльные. Хотя данная работа идет уже два десятилетия и самим ведомством рассматривается как приоритетная, требования к информационным ресурсам в электронном виде до сих пор не унифицированы, что существенно ограничивает возможности использования ее как единого ресурса. Необходимо отметить также, что ресурсы ИЦ МВД России созданы и используются преимущественно в ведомственных целях, в первую очередь для исполнения запросов граждан, поэтому они не могут тиражироваться в публичное пространство. (В настоящее время именно ИЦ МВД на основании имеющихся у них баз данных на ссыльных и материалах личных дел реализуют закон РФ «О реабилитации жертв политических репрессий» от 18 октября 1991 г. Согласно регламенту ИЦ МВД обязаны предоставлять информацию об администра-

тивном порядке ссылке, высылке, направлению на спецпоселение, привлечению к принудительному труду в условиях ограничения свободы, в том числе в «рабочих колоннах НКВД», родственникам и прямым потомкам репрессированных [1].) Ведомство не закрывает возможности для исследователей работать с БД в установленном порядке. Отметим, что сотрудники ИЦ МВД высоко оценивают электронную базу данных «Мемориала» и постоянно обращаются к ней в своей работе.

Обратимся к некоторым итогам и проблемам реализации проектов Книг памяти депортированных. Среди коллективов и групп, работающих в данной области, сложилось и существует разграничение, касающееся целевого изучения категорий депортированных. В самом общем виде это депортированные по социальному признаку как «кулаки» (крестьянская ссылка) и депортированные по этническому признаку. Безусловно, в такого рода делении присутствует элемент условности, так как в крестьянской депортации присутствовал и этнический компонент, равно как и в этнической присутствовал социальный (крестьянский). Однако в целеполагании депортаций все же присутствовал какой-либо один, базовый принцип.

В начале 2000-х гг. с осознанием необходимости систематизации сведений о депортированных и во включении их в общую базу данных на репрессированных по политическим мотивам в различных регионах России началась работа по формированию Книг памяти ссыльных. Пионером в данной области стал подготовленный историками и архивистами Республики Коми мартиролог «Покаяние», в основу которого легли составленные по стандартной матрице сведения на депортированные крестьянские семьи [2–4]. На сегодняшний день существует лишь четыре региональных издания, которые следует отнести к крестьянским Книгам памяти (Республика Коми, 2001–2004; Новосибирская область, 2010; Омская область, 2013–2015; Красноярский край, 2012–2015), посвященных жертвам самой первой по срокам проведения, самой массовой по масштабам, самой длительной по срокам пребывания на спецпоселении депортационной кампании сталинской эпохи – ссыльным (вместе с семьями) крестьянам.

Место крестьянских Книг памяти в общем ряду других изданий мемориальной направленности следует оценивать, исходя из специфики формирования института массовой ссылки в СССР и состояния корпуса источников. С проведением в начале 1930-х гг. первой крестьянской депортации государство ввело практику бессрочного и посемейного выселения. При оценках численности этой категории депортированных исследователи сталкиваются со значительным недоучетом численности лиц, подвергавшихся государственному насилию, что обусловлено рядом факторов, главным из которых являлось несовершенство системы учета в начальный период формирования системы спецпоселений. Так, при суммарной цифре отправки в спецпоселки за 1930–1931 гг. около 1,8 млн чел. организованный чекистами первый переучет спецпереселенцев в январе 1932 г. дал цифру в 1,3 млн чел. [5]. Недоучет «кулаков» в 0,5 млн чел.

сложился за счет высочайшей смертности и массового бегства из спецпоселков. Не только утраты на начальном этапе ссылки персональных сведений о значительном количестве депортированных, но и в последующем низкий уровень учета ссыльных в комендатурах привели сегодня к невозможности официально документировать факт репрессии в отношении сотен тысяч чел. Между тем, согласно законодательству о реабилитации, формальным признаком осуществления репрессии в отношении крестьян выступает не столько сам факт высылки с конфискацией имущества из мест проживания, даже если отражен в первоисточниках (списки на высылку в архивных фондах районов), сколько документальное подтверждение пребывания семьи и ее членов на спецпоселении (комендатурный учет).

Создатели «крестьянских» томов (выпусков Книг памяти жертв политических репрессий) столкнулись с фактами значительной неполноты сведений о пребывании на спецпоселении по многим семьям. При составлении томов Книги памяти Омской области («Крестьянская Голгофа») [6–9], посвященной крестьянской ссылке, подтвержденными ИЦ УМВД по Омской области оказались сведения лишь на 4 тыс. семей, что, по данным статистики, собранной и систематизированной историками, составляет лишь шестую часть высланных из этого региона семей. По итогам трудоемкой работы по выявлению личных дел крестьян, лишенных избирательных прав во второй половине 1920-х гг. и впоследствии ставших целевыми объектами репрессий, а также сохранившихся в фондах райисполкомов и сельских советов списков на высылку, омской группе, работавшей над Книгами памяти, удалось выявить и опубликовать коллективные биограммы еще на десять тысяч высланных семей [10].

По другим регионам Сибири ситуация аналогична омской. Так, по оценкам специалистов, с территории современной Новосибирской области было выслано до 16 тыс. крестьянских семей, в то время как на основании данных МВД (включая картотеки и личные дела) удалось составить справки для профильной Книги памяти только на 3,5 тыс. семей, что является лишь пятой частью от количества этой категории репрессированных [11]. В целом можно предположить, что данные ИЦ МВД регионов содержат сведения лишь о части, возможно, менее трети депортированных крестьян. Эта громадная лакуна образовалась в первой половине 1930-х гг. С эволюцией системы спецпоселенчества совершенствовался и учет. Своего апогея и система, и, соответственно, учет всех категорий ссыльных достигли только к концу 1940-х гг., что позволяет утверждать: процент лиц, оказавшихся «вне учета» системы, был сведен к минимуму.

Депортированные отнесены к жертвам политических репрессий, однако процесс их реабилитации до сих пор остается незавершенным. Как правило, родственники жертв депортации, о которых нет данных о нахождении на спецпоселении, при обращении за реабилитацией получают отказ. Согласно разъяснениям Отдела спецфондов и реабилитации жертв политических репрессий ИЦ МВД реабилитация лиц, выслан-

ных в административном порядке, носит «заявительный характер», т.е. не проводится государственными органами в обязательном порядке (как, например, в отношении осужденных по ст. 58-й УК РСФСР), а иницируется самими пострадавшими (репрессированными), их родственниками или теми, кто представляет их интересы. Даже при наличии документированных решений районных «пятерок» о высылке конкретной семьи, описей конфискованного имущества, личных дел о лишении избирательных прав, при отсутствии сведений о пребывании высланных в спецпоселках факт репрессии не считается документально подтвержденным. При этом приводится тот аргумент, что некоторые семьи нередко «успевали скрыться от выселения, поэтому признавать их репрессированными достаточных оснований не имеется». За репрессированными, правда, оставлено право оспорить отказ в реабилитации в судебном порядке. Действительно, существует процедура установления в судебном порядке факта применения политической репрессии, но для этого требуются показания лиц, свидетельствовавших об этом, в том числе находившихся с заявителем на спецпоселении. Однако, с учетом того, что речь идет о событиях, происходивших шесть-восемь десятилетий назад, шансы на благоприятный исход такого рода ходатайств ничтожны.

Составители Книг памяти подталкивают официальные органы к тому, чтобы завершить «полуреабилитацию» подвергавшихся репрессиям крестьян. Не вина репрессированных в том, что административные органы и спецслужбы не документировали надлежащим образом осуществление репрессии. На наш взгляд, реабилитации должны подлежать все, относительно которых в архивах имеются выписки о включении крестьянской семьи в списки на высылку, утвержденные чрезвычайными районными органами («райпятерками»), если, к тому же, это сопровождалось фактом конфискации имущества. Нам представляется, что репрессия может быть признана также на основании обращения самих репрессированных и членов их семей в государственные органы в тех случаях, если достаточно полно изложена фактическая сторона событий репрессии – экспроприация имущества, высылка из места проживания, маршрут высылки, пребывание в конкретном спецпоселке, тем более если заявители предоставляют документы ЗАГС о рождении на спецпоселении. Еще один момент: возникают случаи, когда главы семей, репрессированные по 58-й статье и соответственно подлежащие обязательной реабилитации, таковую имеют, в то время как их семьям, высланным в административном порядке, в реабилитации отказано. Так формируется феномен «вторичного разъединения» семей теперь уже в ходе реабилитационных процессов.

Уникальный и пока единственный известный нам опыт преодоления барьера такого рода дает работа Красноярского историка А.А. Бабия, руководителя рабочего коллектива по подготовке Книг памяти в регионе [12–13]. На материалах государственных архивов, архива ФСБ и архива УМВД им сделана попытка проследить репрессивные акции в отношении как главы семьи, так и семейства в целом. По такому

принципу выстроены красноярские Книги памяти, начиная с 12-й книги, в которых содержатся гораздо более полные и информативные мартирологи уже не персонального, а семейного характера [14]. Предложенный А.А. Бабиным путь реконструкции политических репрессий – соединение персонального подхода с семейным – дает значительные дополнительные возможности, но одновременно требует взаимодействия различных ведомств, занимающихся реабилитацией, с профессиональными исследователями, а также существенно больших усилий по формированию баз данных.

Почти три четверти депортационных операций, которые были проведены в СССР, специалистами характеризуются как этнические. В эту категорию попали репрессии в отношении более 60 народов. Из более 6 млн высланных половина – этнодепортанты. Наиболее глубокие потери понесли так называемые наказанные народы, депортированные в годы войны, выселение которых было обставлено особенно жестоко. По отношению к ним в 1991 г. был принят Закон о реабилитации репрессированных народов. Может сложиться представление, что сам факт тотальной депортации и автоматической реабилитации снимает необходимость персонализации жертв, однако это не так. На сегодняшний день существует пока единичный пример публикации списков депортированных – это российские немцы, высланные в 1941 г. с территории бывшей республики немцев Поволжья. Благодаря 10-летней работе Волгоградского центра германских исторических исследований под руководством проф. Н.Э. Вашкау эти списки оказались опубликованными [15–17]. Реализация проекта стала возможной благодаря тому, что списки депортированных (скорее всего, речь идет об эшелонных списках) сохранились в ИЦ МВД Волгоградской области и были рассекречены, что дало возможность для их изучения и обработки. Тотальная обработка списков позволила определить общую численность депортированных, посемейный и половозрастной состав, районы выселения и вселения и пр. Несколько ранее сотрудник московского «Мемориала» А.Э. Гурьянов первым обратился к эшелонным спискам для корректировки численности высланных в ходе четырех польских депортаций 1940–1941 гг. и показал возможности данного источника для корректировки численности высланных [18].

В рамках реализации проекта «Армянская депортационная кампания и ее отражение в исторической памяти» исследовательский коллектив, состоящий из представителей России и Армении (рук. Н.Н. Аблажей и Г. Харатян), ведет работу по изучению депортации 14 июня 1949 г., проведенной на территории Армении, Грузии, Азербайджана, а также Краснодарского края, в ходе которой в Алтайский край и Нарым были высланы как «дашнаки» и «турецкоподданные» более 16 тыс. этнических армян. Выселение этнических армян стало частью большой депортационной кампании, направленной на «зачистку» Причерноморья и Кавказа, в ходе которой в ссылку были отправлены более 57 тыс. чел. Реализуемый проект имеет целью не только задачу изучения малоизвестной де-

портации, но и практическую направленность – подготовку Книги памяти депортированных армян.

Остановимся подробнее на методике работы с источниками и алгоритме работы над БД и Книгой памяти. В ходе изучения истории депортации 1949 г. было установлено, что формирование максимально полной базы данных на высланных армян возможно при использовании следующих источников: 1) учетное персональное делопроизводство (картотеки и личные дела – «выселение семьи», «спецпоселенцы» и «реабилитационные»); 2) этапные и эшелонные списки; 3) протоколы комиссий по освобождению.

В силу того что исследователи не имели доступа к массиву личных дел спецпоселенцев-армян, хранящихся в ИЦ МВД по Алтайскому краю, а эшелонные списки оказались неполными и сложны в обработке (доминируют рукописные документы, а не машинопись), в качестве абсолютного приоритета при составлении БД на высланных из Армении были взяты учетные дела «на выселение семьи» и протоколы Республиканской комиссии по освобождению заключенных и ссыльных. Эти документальные комплексы были переданы на государственное хранение в Национальный архив Армении еще в 1990-е гг. правопреемником КГБ Армянской ССР – Службой национальной безопасности Армении, и в настоящее время они доступны не только родственникам репрессированных, но и исследователям. В ходе передачи дел на государственное хранение были составлены неструктурированные списки на армянском и русском почти на 12 тыс. чел., что осложняет использование и формирование на их основе электронной базы данных высланных. Именно поэтому было принято решение о сплошном просмотре всех учетных дел на выселение с формированием на их основе БД, работающей как на задачи исследовательского коллектива, так и архивного ведомства. Существенно облегчило работу то обстоятельство, что учетные дела на ссыльных 1949 г. оказались сконцентрированы в одной описи фонда прекращенных дел. В течение 2016 г. в Национальном архиве Армении был выявлен и обработан массив учетных дел и протоколы Республиканской комиссии на лиц, высланных в 1949 г. с территории республики. Итогом этой работы стала база данных на 2 682 семьи (12 457 чел.) [19]. Эта база была сопоставлена и дополнена данными электронной картотеки на ссыльных ИЦ МВД Алтайского края. Коррективы (состав семьи, место жительства в ссылке, дата освобождения со спецпоселения) были внесены в сведения приблизительно по 90% семей, представленным в базе.

Интегрированная база данных на ссыльных армян, включающая информацию по 30 параметрам, позволяет в полной мере судить о национальном и социальном составе депортированных, семейном положении, месте проживания до выселения и в ссылке, освобождении и реабилитации. Такие параметры, как «место рождения», «национальность», «гражданство», «категория учета», позволяют по группировке признаков сделать заключение о целевых группах, подвергшихся репрессиям. Особо отметим следующее: несмотря на тот факт, что БД сфокусирована на одну репрессию – депортацию 1949 г., информация о репрессиях в отношении глав семьи и

отдельных членов семьи может быть расширена. Это возможно благодаря тому, что параллельно идет работа по составлению Национальной базы жертв политических репрессий в Армении (на данный момент полностью обработаны материалы архивно-следственных дел на осужденных по политическим статьям).

В ходе работы по составлению базы было установлено, что расширение и уточнение данных по каждой семье, вошедшей в интегрированную базу «Высланные 1949 г. армяне», возможно за счет обработки еще нескольких массовых источников: 1) актовые записи о рождении / смерти районных архивов ЗАГС; 2) похозяйственные книги сельсоветов, хранящиеся преимущественно в поселковых архивах; 3) порайонные книги учета спецпоселенцев, сохранившиеся в коллекциях ИЦ МВД. Исследователи вообще крайне редко используют эти источники, а примеров их использования для изучения ссылки вообще нет. Отсутствие единого алгоритма работы с этими массовыми источниками может сделать работу крайне трудоемкой и даже малорезультативной.

Ввиду того что ведомственное делопроизводство МВД и МГБ велось исключительно на русском языке, БД на высланных армян формировалась тоже на русском. В ходе работы выяснилось, что в учетном делопроизводстве спецпоселенцев массово присутствует русификация национальных имен и фамилий. Эта проблема хорошо знакома специалистам, когда расхождения в написании осложняют выявление информации на репрессированного. Так как большая часть БД (высланные из Армении) формировалась на основании дел на выселение, а не дел ссылных, то такой проблемы не было. Тем не менее в делах на выселение тоже встречаются расхождения в написании. При выборе варианта написания брался вариант из итогового «заключения на выселение» МГБ, которое также воспроизводилось в решении Особого совещания. Было принято решение приводить написание фамилии главы семьи на русском и на армянском языках, что в основном нивелирует расхождения в произношении. Важно также отметить, что БД вслед за источником воспроизводит ошибки и неточности историко-географического характера. Подобное допущение возможно для БД, но исключается для печатного издания, что, в свою очередь, предполагает обязательную корректировку названий мест рождения, проживания на момент выселения и ссылки.

При составлении БД на армян, высланных с территории Грузии, Азербайджана, Украины и Краснодарского края, у исследователей не было возможности сплошной обработки учетных дел на выселение (как в Армении), что создало определенные трудности. В Грузии основной массив дел на выселение оказался уничтожен пожаром. В республике сохранились лишь эшелонные списки за разные периоды и на разные контингенты, но они не обработаны, что не позволило выявить списки 1949 г. Эшелонные списки на высланных в 1949 г. фрагментарно сохранились в Российском государственном военном архиве и архивах ИЦ МВД Алтайского края и Томской области, но, как

уже отмечалось, в массе своей они рукописные, что требует больших усилий по распознаванию текста. Вместе с тем именно эшелонные списки и электронные картотеки на ссылных, имеющиеся в ИЦ МВД Алтайского края и Томской области, позволили сформировать базу, хотя и с меньшим количеством параметров. Осложняло работу и то обстоятельство, что база-картотека ИЦ МВД сформирована на каждого взрослого, а не на семью, что потребовало дополнительных усилий по восстановлению состава семьи и определения ее главы. В среде специалистов сегодня уже общепризнано, что создание баз данных на депортированных предполагает формирование не персональной, а в большинстве случаев посемейной справки, потому что ссылка была формой коллективной репрессии. Было установлено, что при сопоставлении данных ведомственной статистики МВД о поставленных на учет, с одной стороны, и количестве высланных с территории Грузии, Азербайджана, Украины и Краснодарского края, проходящих по базе ИЦ, – с другой, в поле зрения не попадает лишь небольшая часть высланных. Работа по составлению базы данных депортированных в 1949 г. армян и ее перевод в формат «Книги памяти» пока не закончена, но можно подвести некоторые предварительные итоги. Имеющиеся данные позволяют прежде всего персонифицировать ранее «безликую массу» ссылных.

Опыт работы над Книгами памяти ссылных крестьян и этнодепортантов позволяет сделать ряд выводов и заключений. Прежде всего, остается актуальной реабилитационная работа, которую нельзя считать завершенной ни в плане официальной, государственной задачи, ни в плане социального резонанса и сохранения исторической памяти о политических репрессиях советской эпохи. Для продолжения реабилитационной деятельности, возможно, следует пойти на корректировку действующего в РФ Закона о реабилитации жертв политических репрессий с точки зрения расширения круга оснований для подтверждения факта произведенной репрессии, признав таковыми внесение семей в депортационные списки, сопровождавшиеся конфискацией их имущества. Другим ресурсом, содержащим информацию о репрессиях, следует считать мотивированные обращения заявителей в реабилитационные органы, в которых содержится детализированная информация о репрессии, требующая подтверждения из самых разных источников, включая архивы районов высылки, с одной стороны, и архивы районов дислокации спецпоселков – с другой. Следовательно, необходима скоординированная поисковая работа историков, архивистов, краеведов, предполагающая доступность работы с документацией в ведомственных архивах, проводя для этого корректировку ныне действующих ограничительных правил работы с информацией о политических репрессиях. Пострадавшие от депортаций в СССР сегодня живут в разных странах, но «груз» советского депортационного прошлого не просто тяжел, его не удается преодолеть, действуя лишь в рамках своих национальных законодательств и программ по реабилитации жертв политических репрессий в СССР.

ЛИТЕРАТУРА

1. Приказ МВД России «Об утверждении Административного регламента МВД РФ по предоставлению государственной услуги по выдаче справок о реабилитации жертв политических репрессий» от 23.11.2011 № 1165. URL: <http://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/70019616> (дата обращения: 13.11.2016).
2. Покаяние: Мартиролог / сост. Г.Ф. Доброноженко, Л.С. Шабалова. Сыктывкар : Коми книж. изд-во, 2001. Т. 4, ч. 1. 1168 с.
3. Покаяние: Мартиролог / сост. Н.М. Игнатова. Сыктывкар : Коми кн. изд-во, 2001. Т. 4, ч. 2. 608 с.
4. Покаяние: Мартиролог / сост. Г.Ф. Доброноженко, Л.С. Шабалова. Сыктывкар : Коми книж. изд-во, 2004. Т. 6. 1184 с.
5. ГА РФ. Ф. Р-9479. Оп. 1. Д. 89. Л. 216.
6. Крестьянская Голгофа. Книга памяти репрессированного крестьянства Омской области. Омск : Золотой тираж, 2013. Т. 1. 528 с.
7. Крестьянская Голгофа. Книга памяти репрессированного крестьянства Омской области. Омск : Золотой тираж, 2013. Т. 2. 330 с.
8. Крестьянская Голгофа. Книга памяти репрессированного крестьянства Омской области. Омск : Золотой тираж, 2014. Т. 3. 340 с.
9. Крестьянская Голгофа. Книга памяти репрессированного крестьянства Омской области. Омск : Золотой тираж, 2014. Т. 4. 336 с.
10. Крестьянская Голгофа. Книга памяти репрессированного крестьянства Омской области. Омск, 2015. Т. 5. 316 с.
11. Книга памяти жертв политических репрессий в Новосибирской области / отв. ред. С.А. Красильников. Новосибирск : Nonparel, 2010. Вып. 3. 526 с.
12. Книга памяти жертв политических репрессий Красноярского края. Красноярск : Офсет, 2012. Кн. 11. 512 с.
13. Книга памяти жертв политических репрессий Красноярского края. Красноярск : Офсет, 2014. Кн. 12. 512 с.
14. Книга памяти жертв политических репрессий Красноярского края. Красноярск : Офсет, 2015. Кн. 13. 512 с.
15. Возвращенные имена: Списки депортированных граждан немецкой национальности – жителей г. Сталинграда (август–сентябрь 1941 г.) : сб. док. / сост. Н.Э. Вашкау, Е.Л. Фурман, Л.А. Ильина // Труды Волгоградского центра германских исторических исследований. Волгоград : Изд-во ВолГУ, 2013. Вып. 11. 233 с.
16. Списки депортированных российских немцев с территорий бывшей республики немцев Поволжья, отошедших к Сталинградской области : сб. док. / сост. Н.Э. Вашкау, Е.Л. Фурман, Л.А. Фалалеева // Труды Волгоградского центра германских исторических исследований. Волгоград : Изд-во ВолГУ, 2015. Вып. 12, т. 1. 637 с.
17. Списки депортированных российских немцев с территорий бывшей республики немцев Поволжья, отошедших к Сталинградской области : сб. док. / сост. Н.Э. Вашкау, Е.Л. Фурман, Л.А. Фалалеева // Труды Волгоградского центра германских исторических исследований. Волгоград : Изд-во ВолГУ, 2015. Вып. 12, т. 2. 584 с.
18. Гурьянов А.Э. Польские спецпереселенцы в СССР в 1940–41 гг. // Репрессии против поляков и польских граждан // Исторические сборники «Мемориала». М. : Звенья, 1997. Вып. 1. С. 114–136.
19. Национальный архив Республики Армения. Ф. 1191. Оп. 6.

Статья представлена научной редакцией «История» 6 июня 2017 г.

THE EXPERIENCE OF COMPILING THE DEPORTED PEOPLE MEMORIAL BOOKS: ISSUES AND DECISIONS

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2017, 422, 61–67.

DOI: 10.17223/15617793/422/9

Natalya N. Ablazhey, Novosibirsk State University (Novosibirsk, Russian Federation); Institute of History of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (Novosibirsk, Russian Federation). E-mail: ablazhey@academ.org

Sergei A. Krasilnikov, Novosibirsk State University (Novosibirsk, Russian Federation); Institute of History of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (Novosibirsk, Russian Federation). E-mail: krass49@gmail.com

Hranush Kharatyan, Institute of Archaeology and Ethnography of the National Academy of Armenia (Yerevan, Armenia). E-mail: hkharatyan@gmail.com

Keywords: data bases; memorial book; special settlers.

The paper is devoted to the problem of database creation and to the preparation of Memorial Books on deported people. Principles of creation of public information resources, methods of selection and processing of mass personal sources for this category of repressed people are presented in this article. Six million people were engaged in the system of special settlements, that is about one million people more than those who were prosecuted on the political motives. In the three-million database called “Victims of Political Terror in the USSR” created by the Memorial Society and integrating all ethnic and regional Memorial Books and martyrologies published or prepared in post-soviet countries, only one third of notes deals with deported people. State projects focused on the preservation of memory about victims of political terror are being implemented in all post-soviet countries. However, there are some limits on processing of personal data. In Russia these limits are extended to all files of repressed people, which substantially complicated activities of both specialists of the respective departments and historians on the implementation of the state programme. By now, the requirements referring to data bases containing information about repressed people, which are to be published as Memorial Books are standardised. According to the national laws such publications should perform information functions and contain personal information on the history of repressions open and accessible to a wider circle of interested people. The analysis of Memorial Books on exiled people showed that there was a limited number of such publications and they were only devoted to peasants and their family members deported in the beginning of the 1930s. There is even a smaller number of ethnicity-based publications (devoted to Germans, Poles, etc.). These publications allowed to conclude that rehabilitation is finished neither as the official, state task, nor in the context of social resonance and preservation of historical memory about political repressions. Preliminary results of the Russian-Armenian team work engaged in compiling martyrology of 16 000 ethnic Armenians deported to the Altai and Naryn regions as “dashnaks” and “citizens of Turkey” during the deportation of 14 June 1949 are addressed. The integrated data base on the prosecuted Armenians contains information on 30 parameters and addresses the data on the national and social status of the deported, their family status, their residence before deportation and in exile, and also on their liberation and rehabilitation. Possibilities of creation of the integration data bases based on files of deportation of families that are kept in the National Archive of Armenia corrected with statistical data from the Information Centre of the Ministry of the Internal Affairs from Altai Krai are demonstrated in the paper.

REFERENCES

1. Garant.ru. (2011) *Prikaz MVD Rossii “Ob utverzhdenii Administrativnogo reglamenta MVD RF po predostavleniyu gosudarstvennoy uslugi po vydache spravok o reabilitatsii zhertv politicheskikh repressiy” ot 23.11.2011 № 1165* [The order of the Ministry of Internal Affairs of Russia “On the approval of the Administrative Regulations of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation for the provision of a public ser-

- vice for issuing certificates on the rehabilitation of victims of political repression” of November 23, 2011, No. 1165]. [Online] Available from: <http://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/70019616>. (Accessed: 13.11.2016).
2. Dobronozhenko, G.F. & Shabalova, L.S. (2001) *Pokayanie: Martirolog* [Repentance: Martyrology]. Vol. 4. Part 1. Syktyvkar: Komi kn. izd-vo.
 3. Ignatova, N.M. (2001) *Pokayanie: Martirolog* [Repentance: Martyrology]. Vol. 4. Part 2. Syktyvkar: Komi kn. izd-vo.
 4. Dobronozhenko, G.F. & Shabalova, L.S. (2004) *Pokayanie: Martirolog* [Repentance: Martyrology]. Vol. 6. Syktyvkar: Komi kn. izd-vo.
 5. State Archive of the Russian Federation (GA RF). Fund R-9479. List 1. File 89. Page 216. (In Russian).
 6. Gatsura, E.V., Polyakova, A.I. & Chetverikova, T.G. (eds) (2013) *Krest'yanskaya Golgofa. Kniga pamyati repressirovannogo krest'yanstva Omskoy oblasti* [The Peasant Calvary. Memorial book of the repressed peasantry of the Omsk region]. Vol. 1. Omsk: Zolotoy tirazh.
 7. Gatsura, E.V., Polyakova, A.I. & Chetverikova, T.G. (eds) (2013) *Krest'yanskaya Golgofa. Kniga pamyati repressirovannogo krest'yanstva Omskoy oblasti* [The Peasant Calvary. Memorial book of the repressed peasantry of the Omsk region]. Vol. 2. Omsk: Zolotoy tirazh.
 8. Gatsura, E.V., Polyakova, A.I. & Chetverikova, T.G. (eds) (2014) *Krest'yanskaya Golgofa. Kniga pamyati repressirovannogo krest'yanstva Omskoy oblasti* [The Peasant Calvary. Memorial book of the repressed peasantry of the Omsk region]. Vol. 3. Omsk: Zolotoy tirazh.
 9. Gatsura, E.V., Polyakova, A.I. & Chetverikova, T.G. (eds) (2014) *Krest'yanskaya Golgofa. Kniga pamyati repressirovannogo krest'yanstva Omskoy oblasti* [The Peasant Calvary. Memorial book of the repressed peasantry of the Omsk region]. Vol. 4. Omsk: Zolotoy tirazh.
 10. Gatsura, E.V., Polyakova, A.I. & Chetverikova, T.G. (eds) (2015) *Krest'yanskaya Golgofa. Kniga pamyati repressirovannogo krest'yanstva Omskoy oblasti* [The Peasant Calvary. Memorial book of the repressed peasantry of the Omsk region]. Vol. 5. Omsk: Zolotoy tirazh.
 11. Krasil'nikov, S.A. (ed.) (2010) *Kniga pamyati zhertv politicheskikh repressiy v Novosibirskoy oblasti* [Memorial book of the victims of political repression in Novosibirsk Oblast]. Vol. 3. Novosibirsk: Nonparel'.
 12. Karlova, O.A., Kazitsin, A.B. & Zykhova, S.N. (eds) (2012) *Kniga pamyati zhertv politicheskikh repressiy Krasnoyarskogo kraya* [Memorial book of the victims of political repression in Krasnoyarsk Krai]. Vol. 11. Krasnoyarsk: Ofset.
 13. Pashinova, G.E., Kazitsin, A.B. & Omel'chuk, T.E. (eds) (2014) *Kniga pamyati zhertv politicheskikh repressiy Krasnoyarskogo kraya* [Memorial book of the victims of political repression in Krasnoyarsk Krai]. Vol. 12. Krasnoyarsk: Ofset.
 14. Pashinova, G.E., Kazitsin, A.B. & Omel'chuk, T.E. (eds) (2015) *Kniga pamyati zhertv politicheskikh repressiy Krasnoyarskogo kraya* [Memorial book of the victims of political repression in Krasnoyarsk Krai]. Vol. 13. Krasnoyarsk: Ofset.
 15. Vashkau, N.E., Furman, E.L. & Il'ina, L.A. (2013) Vozvrashchennyye imena: Spiski deportirovannykh grazhdan nemetskoy natsional'nosti – zhiteley g. Stalingrada (avgust–sentyabr' 1941 g.): sb. dok. [Returned names: Lists of deported citizens of German nationality – residents of Stalingrad (August–September 1941): documents]. In: *Trudy Volgogradskogo tsentra germanskikh istoricheskikh issledovaniy* [Proceedings of the Volgograd Center for German Historical Studies]. Vol. 11. Volgograd: Volgograd State University.
 16. Vashkau, N.E., Furman, E.L. & Falaleeva, L.A. (2015) Spiski deportirovannykh rossiyskikh nemtsev s territorii byvshey respubliki nemtsev Povolzh'ya, otoshedshikh k Stalingradskoy oblasti: sb. dok. [Lists of deported Russian Germans from the territories of the former republic of the Germans in the Volga region that became Stalingrad Oblast: documents]. In: *Trudy Volgogradskogo tsentra germanskikh istoricheskikh issledovaniy* [Proceedings of the Volgograd Center for German Historical Studies]. Vol. 12:1. Volgograd: Volgograd State University.
 17. Vashkau, N.E., Furman, E.L. & Falaleeva, L.A. (2015) Spiski deportirovannykh rossiyskikh nemtsev s territorii byvshey respubliki nemtsev Povolzh'ya, otoshedshikh k Stalingradskoy oblasti: sb. dok. [Lists of deported Russian Germans from the territories of the former republic of the Germans in the Volga region that became Stalingrad Oblast: documents]. In: *Trudy Volgogradskogo tsentra germanskikh istoricheskikh issledovaniy* [Proceedings of the Volgograd Center for German Historical Studies]. Vol. 12:2. Volgograd: Volgograd State University.
 18. Gur'yanov, A.E. (1997) Pol'skie spetspereselentsy v SSSR v 1940–41 gg. [Polish special settlers in the USSR in 1940–41]. In: Roginskiy, A.B. et al (eds) *Repressii protiv polyakov i pol'skikh grazhdan* [Repressions against Poles and Polish citizens]. Vol. 1. Moscow: Zven'ya.
 19. National Archive of the Republic of Armenia. Fund 1191. List 6.

Received: 6 June 2017